

Юрий Панцырев

Я жил рядом с этими людьми

Познакомился я с семьей Пластовых благодаря внуку Аркадия Александровича, Николаю, с которым мы учились в институте. В моем представлении дед Николая был классиком, как, например, Репин, — что-то очень далекое. В нашем институте много было детей и внуков знаменитых художников, мы на родственные связи не обращали внимания и с Колей просто дружили, вместе сидели все годы учебы за одним столом.

Перед открытием в 1976 году посмертной выставки Аркадия Пластова в Манеже семье художника пришлось подготовить не одну тысячу картин, и естественно, нужны были помощники. Николай Аркадьевич попросил Колю, чтобы он привел друзей. Человек шесть студентов вызвалось помогать. Мы уходили после обеда с занятий и допоздна сидели в запасниках на Петровке, готовили рамы.

Николай Аркадьевич был очень общительным человеком, как и его жена Елена Николаевна. Она нас всех кормила. Мы же студенты, вечно полуголодные, а она нам приносила каких-то московских деликатесов. Мы тогда очень сблизились с Николаем Аркадьевичем.

Подошла к концу учеба в институте, а я не знал, куда распределяться. Собирался ехать в Туву. А Николай Аркадьевич: «Ну зачем тебе туда ехать? Давай к нам, в Ульяновск. Я поговорю с Моториным, он приедет, посмотрит твои работы».

Алексею Васильевичу Моторину мои работы понравились, и он пригласил меня в Ульяновск. Мне здесь дали и жилье, и мастерскую, но получилось так, что поселился я в Прислонихе, и с 1979 до 1985 года, пока не женился, жил у Пластовых. У меня очень много вещей, написанных у них в мастерской, например, «Чехов». Сад за его спиной — это не вишневый сад, а яблоневый, в Прислонихе.

Зимой Пластовы уезжали в Москву, и мы оставались вдвоем с няней Катей. Кололи вместе дрова, занимались хозяйством. А по вечерам я писал. Так проходила зима. Мы с нянькой очень хорошо жили. В работе я за ней не поспевал, задыхался. Она не умела сидеть без дела и не любила, когда кто-то сидит, всех подгоняла. Но, прожив с художниками всю жизнь, она знала, что если человек пишет, его отвлекать нельзя. Она в это время взваливала работу на себя.

Николай Аркадьевич сам был хороший художник, редкий портретист. У него такая плавная живопись, свой, несколько холодный, колорит. Он писал лица через какие-то сине-зеленые краски, и это было очень живо, красиво. Он постоянно помогал отцу, боготворил его, очень был привязан к нему, как и его сын Коля — к нему самому. У них это семейное... Может быть, поэтому Николай Аркадьевич не мог себе позволить широко и много заниматься живописью. Кроме того, практически всю жизнь он состоял в секретарях Союза художников России, был секретарем правления Союза художников СССР,

но главное — с самого основания был членом президиума Всероссийского общества охраны памятников. Принципиальный, смелый, он много зданий и церквей отстоял в свое время в Москве. Когда другие просто спокойно сдавались, он говорил: «Стоп! А почему? Это же выдающийся памятник!» Умел убеждать, очень горячо говорил. За это его очень уважали и везде избирали.

Художники и актеры часто приводят неожиданно кучу народа домой, не предупредив жену. Николай Аркадьевич мог себе это позволить: Елена Николаевна успевала моментально все приготовить. И сельчане любили ходить к Николаю Аркадьевичу в гости, потому что стол всегда был замечательный, с разносолами, и тосты хозяин умел произносить добрые, за каждого присутствующего. Он очень уважительно относился к крестьянам. Сейчас можно услышать, что строящийся дом Пластовых сожгли сельчане из зависти. Эту версию Николай Аркадьевич никогда не поддерживал. Он, хоть и был широко образованным человеком, но, как и все мужики, сам косил, плотничал, убирал за коровой. Очень хороший был столяр и плотник. Пластовы никогда не отказывались помочь соседям по хозяйству, когда возникала необходимость.

Много работы лежало и на Елене Николаевне. Родом она из Луганска, фамилия ее Холодилина, она из дворянской интеллигенции. Отец ее — известный профессор химии. Он восстановил рецепты эмали, благодаря чему в Советской России возобновилось производство эмалированной посуды. Дед был головой Луганска, там ему установлен памятник. Елена Николаевна — тонкий, интеллигентный человек, от нее нельзя услышать грубого, громкого слова. Она всегда давала возможность и мужу, и сыну заниматься творчеством. А ведь она — замечательный художник! Правда, ее отвлекали домашние дела, потому что проблем хватало. Долгие годы болела баба Наля, вдова Аркадия Александровича, замечательный человек. Елена Николаевна любила и уважала свекровь, ухаживала за ней. Баба Наля была из тех, кто, как говорят, мухи не обидит. Вообще, в семье было особое отношение ко всему живому — очень трепетное: кошка замаякала — на улицу запросилась — Наталья Алексеевна, кое-как передвигаясь, спешит ее выпустить, оса в дом залетела — ее нужно аккуратно в баночку поймать (не дай Бог крылышки повредить) и живую отпустить на волю.

Потом тяжело заболел Николай Аркадьевич. Здоровье он подорвал на восстановлении церкви в Прислонихе. Он перенес страшный удар: сожгли дом, и стало ясно, что музея-усадьбы не будет. Власти объявили, что финансирование закончилось. Николай Аркадьевич очень переживал, а потом сам взялся за строительство церкви, выполнял все столярные работы, буквально сутками пропадавал в холодной церкви, которая не топились.

Мое счастье, что я жил рядом с этими людьми, многое понял и познал.

Н.А. Пластова, Ю.Н. Панцырев, Е.В. Шарьмова